

УДК 82

«ДВЕ ДОРОГИ К ОДНОМУ ОБРЫВУ»¹ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ А. ЗИНОВЬЕВА И Э. ЛИМОНОВА

© 2017 г.

О.С. Сухих

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 19.11.2015

Анализируются образы двух социальных систем: социалистической и западной – в произведениях А. Зиновьева и Э. Лимонова. Цель работы – на основе сравнительно-типологического метода сопоставить концепции писателей. Их произведения построены на различных художественных принципах, но это не исключает общности в осмыслении социальных и философских проблем. Оба автора приходят к тому, что общность цели социалистического и капиталистического государств и сходство средств её достижения выявляют глубинное родство двух политических систем. Западная социально-политическая модель, либерально-демократическая, и советская, социалистическая, имеют концептуальные общие черты. Это тотальный контроль государства над жизнью человека, культивирование доносительства, манипуляция сознанием общества, иллюзорность свободы личности, основополагающая роль принципа «цель оправдывает средства».

Ключевые слова: социализм, либеральная демократия, антиутопия, государство, личность.

XX век в нашей истории прошёл под знаком противостояния двух систем: западной либеральной демократии и социализма, прежде всего, в его советском варианте. Эта «битва титанов» шла с переменным успехом, но в любом случае две вышеназванные идеологии воспринимались общественным сознанием как противоположные. Однако литература осмыслила суть этих систем гораздо глубже, чем политические и социологические учения. И она показала, что «противоположности» не столь контрастны, как принято было считать. Эта мысль выразилась, в частности, в романах А. Зиновьева («Зияющие высоты», «Глобальный человек») и Э. Лимонова («316, пункт “В”»).

Романы А.А. Зиновьева «Зияющие высоты» и «Глобальный человек» свидетельствуют о том, что в сознании автора две социально-политические модели: западная, либерально-демократическая, и советская, социалистическая, – **имеют концептуальные общие черты**. Причём до такой степени общие, что эти две модели социума практически точно накладываются друг на друга². И там, и здесь жизнь строится по принципам тоталитарного характера. В обоих социумах жизнь человека полностью находится под контролем государства: чего стоит, например, открытие Мусорной Свалки в присутствии первых лиц Ибанска, стоящих в алфавитном порядке («Зияющие высоты»), или существующие в Запад-Сити («Глобальный человек») обязательные к исполнению рекомендации для госслужащего: непременно зани-

маться спортом, посещать секс-школу, при бессоннице включать усыпляющее устройство, чтобы никакие проблемы не отвлекали от исполнения «священного долга» перед государством. Человек не может распорядиться даже собственной жизнью по своему усмотрению: в Ибанске желающий умереть обязан заполнить и заверить массу документов и выстоять очередь в Похоронное Бюро, а в Запад-Сити Верховный конгресс разрабатывает абсурдный бюрократический закон о порядке пользования Последним правом (имеется в виду право на самоубийство).

И в том, и в другом государстве планомерно *культивируется доносительство*: в Ибанске признаком любой устойчивой социальной ячейки становится наличие стукача (стукач внедряется даже в очередь за неизвестным продуктом под названием «ширли-мырли»), а в Запад-Сити служащий обнаруживает, что за ним следит его собственный компьютер-«дублёр».

При всей жёсткости тоталитарной системы, всё же в обоих государствах бывают проявления недовольства, *социального протеста*, но оказывается, что и это происходит *под контролем власти и даже по её инициативе*, чтобы можно было не опасаться свободных проявлений диссидентства. Об этом откровенно говорит сотрудник ООН (Органов Охраны Народа) в «Зияющих высотах»: «Оппозиционеров мы делаем сами. Или по недосмотру. Или по мере надобности» [4, кн 1, с. 290]. А в «Глобальном человеке» выясняется, что стихийные якобы выступления молодежи в действительности яв-

ляются марионеточными, власть заинтересована в них, например, чтобы «оказать давление на Верховный Конгресс, который должен утвердить бюджет на пятилетие» [5, с. 76].

Свобода человека в обеих государственных системах оказывается иллюзорной, поскольку власть виртуозно владеет приёмами манипуляции сознанием. Это касается и «ручной» оппозиции, и решения проблемы свободы. И там, и здесь получается так, что формально человек вроде бы свободен, но на практике – наоборот. Ибанский художник и скульптор свободен в творческих замыслах, но материал для их реализации он получить не может. Гражданин Запад-Сити свободен выбрать любую работу, но рабочих мест не существует; свободен защитить талантливую диссертацию, но сложившаяся научная «элита» не пропускает его в свои ряды. Манипуляция сознанием есть гораздо более изощрённая и одновременно эффективная форма управления людьми, чем прямое и «грубое» ограничение свободы. Человеку необходимо осознавать себя свободным, но в то же время для государства его свобода неприемлема, поэтому власть позволяет человеку тешить себя иллюзией свободы: «Нужно лишь установить границы, за которые предоставленные самим себе массы не должны выходить. Границы эти надо сделать такими, чтобы массы их вообще не считали границами и даже не замечали их, а заметив, сочли бы их за признаки свободы и их собственного волеизъявления» [5, с. 308]. Элементом манипуляции сознанием является «идеология для вида», существующая в Ибанске и Запад-Сити. В первом случае население под руководством Братии строит «изм», руководствуясь «единственно верным и передовым учением» – ибанизмом. На самом же деле единственной целью государства является поддержание собственной власти и благополучия. Во втором случае самой популярной идеологией становится «демократическое общество», хотя при этом человек, неудобный для власти точно так же «приговаривается к лечению», как и в Ибанске (Крикун в «Зияющих высотах», Фил в «Глобальном человеичнике»).

И в «Зияющих высотах», и в «Глобальном человеичнике» основой деятельности государства становится принцип «цель оправдывает средства». И А.А. Зиновьев показывает, что государство жертвует человеком ради своего процветания. В принципе, государство состоит из отдельных личностей, поэтому благо государства должно совпадать с благом человека, но в реальности происходит наоборот. В Ибанске, например, проводится политика внедрения «дармохозов», которая даёт возможность госу-

дарству получить хлеб, но при этом губит крестьянина (вспомним судьбу отца героя по имени Крикун). В Западном Союзе власть заинтересована в том, чтобы общество считалось справедливым и демократическим, поэтому подавляется любой, кто мыслит иначе: например, Ал не может защитить свою диссертацию, потому что в ней слишком много правды, неудобной для государства, а значит, не может получить достойную должность и зарплату, ему остаётся лишь нищенствовать. Когда же ему даётся шанс «устроиться» в жизни, то ради этого он вынужден жертвовать своей духовной свободой и убеждениями.

Учитывая, что писатель именуется социалистическую идеологию города Ибанска («Зияющие высоты») ибанизмом, а «демократическую» идеологию Западного Союза («Глобальный человеичник») – западнизмом, согласимся, что наиболее удачное определение этой идеологии было дано Л. Грековым: «“зияющие высоты” западнизма» [6]. Оба произведения объединены проблематикой и жанровыми признаками *антиутопии*: автор показывает, к каким социальным и нравственным последствиям, к каким «зияющим высотам» может привести человечество «сон золотой» (и социалистическая идея – реализовавшаяся утопия, и западная демократия – мечта диссидентов советских времён), как это обычно было в истории и изображалось в литературных антиутопиях [7; 8; 9; 10]. К этому же жанру относится и роман Э. Лимонова «316, пункт “В”».

Он отличается от произведений А. Зиновьева по своей *художественной структуре*. В романах А. Зиновьева даётся некий «срез» общества, при этом нет чётко выстроенной событийной линии, в «Зияющих высотах» даже нет центрального героя, система образов включает множество художественно равноправных персонажей, представляющих социальные типы представителей советского общества. В «Глобальном человеичнике» главным героем является рассказчик Ал, но нет связанной с ним интриги и её сюжетного развития. В этом смысле романский принцип не характерен для произведений А. Зиновьева. У Э. Лимонова, наоборот, присутствует «закрученный» вокруг главного героя Лукьянова острый конфликт, который лежит в основе сюжетной линии с массой кульминаций и неожиданной развязкой, и этот практически авантюрный сюжет взаимосвязан с эволюцией характера главного героя. Кроме того, в произведениях А. Зиновьева, при их ослабленном сюжетном начале, основные смыслообразующие моменты авторской социально-философской концепции даются в форме

рассуждений героев, в комментариях. В романе Э. Лимонова такие способы выражения авторской позиции тоже существуют, но не менее значимым художественным средством становится построение сюжета: оно выявляет социальные закономерности, с которыми герой пытается бороться и которые всё же в конечном итоге подчиняют его себе (герой пытается сохранить жизнь, вследствие этого втягивается в политическую борьбу и втягивает в неё других, а затем становится «перевёртышем»: из жертвы государства превращается в его фактического руководителя, что заставляет его изменить своим прежним принципам). Это позволяет в новом аспекте осмыслить проблему личности и государства и тем не менее *приводит автора практически к тем же концептуальным выводам, что и А. Зиновьева.*

В произведении Э. Лимонова сюжетная ситуация такова, что Соединённые Штаты и Русский Союз³ вынуждены объединиться в борьбе с общей опасностью – перенаселением планеты, что и вызвало к жизни закон 316, пункт “В”, согласно которому человек имеет право жить только до 65 лет, а после этого уничтожается. **Общность цели и средств её достижения выявляет глубинное сходство двух политических систем.** Художественно эта идея выражена гораздо более кратко, «пунктирно» по сравнению с произведениями А.А. Зиновьева, которые во многом можно считать социологическими исследованиями в форме художественных образов. Однако в произведении Э. Лимонова есть не менее красноречивые детали. Не случаен, например, тот факт, что в военном противостоянии двух мировых держав: США и Русского Союза – было уничтожено несколько городов США, но не Нью-Йорк – город, определяющий лицо, дух Америки: «Я так и не могу понять, почему русские не тронули Нью-Йорк» [11], – говорит главному герою бармен Тони, после чего оба многозначительно замолкают, чувствуя, что затронули опасную тему. Важный штрих: в выступлении по телевидению президент США говорит о едином пути с «братским русским народом» (разумеется, речь идёт не столько о национальности, сколько о государственной системе: слова «русский народ» долгое время ассоциировались с Советским Союзом, с социализмом, и во время создания романа эта тенденция ещё сохранялась). Ещё одна яркая деталь: в романе Э. Лимонова в США царит «красная мода» – молодые люди носят красную одежду с изображением серпа и молота. Это *сходство, вроде бы внешнее, подчёркивает глубинное родство социальных систем.* В этом смысле в произведениях А. Зиновьева принцип

иной: здесь *во внешних проявлениях социализм и «западнизм» контрастны*, но этот контраст, довольно навязчиво подчёркиваемый властью имущими, на самом деле лишь *инструмент манипуляции сознанием*: он нужен властям Западного Союза, чтобы никто не мог заподозрить сходства ЗС и коммунистического мира.

Идея родства двух – противоположных на первый взгляд – политических систем реализована в произведении Э. Лимонова в нескольких важнейших аспектах, объединяющих его с романами А. Зиновьева.

1. Э. Лимонов, как и его предшественник, отмечает, что эти политические системы обязательно включают в себя **полный контроль над человеком**, над всеми сферами его жизни. В изображённых автором Соединённых Штатах Демографический департамент ведёт досье на каждого гражданина, внося туда любую информацию о нём и обо всех его контактах. Когда главный герой Лукьянов попадает под действие закона «316, пункт “В”», то он находит возможность спрятаться у женщины, которой нет в его досье лишь по той причине, что они познакомились совсем недавно, иначе Лукьянова могли бы найти и у неё.

Все рядовые граждане страны обязаны носить значок, указывающий на род их занятий, – от этого зависит, можно ли им во время рабочего дня появляться на улице. Аналогичная, даже более жёсткая система и в социалистическом государстве: «В Русском Союзе, говорят, нельзя болтаться по улицам без дела. В Соединённых Штатах днем ты можешь при наличии значка и айденити-кард болтаться с шести утра до десяти вечера на улицах» [11].

Автор вскользь упоминает о насильственном перераспределении населения между городом и деревней: власти время от времени «перетасовывают» эти социальные пласты, определяя, кому и где жить и работать. Важная деталь: этот принцип был позаимствован США из социальной практики коммунистического общества (в частности, речь о Китае): «Вследствие проведённой недавно перетасовки – «размешивания» населения (практика была позаимствована у коммунистического Китая), несколько миллионов молодых людей из крупных городов были отправлены в провинцию. Взамен Нью-Йорк набили молодыми людьми из глубины Америки» [11]. Размышляя о взаимоотношениях социалистической системы и американской демократии, главный герой романа – Лукьянов – приходит к мысли об их единстве: «Если бы они только не спелись после войны, – горько посетовал из своего угла Ипполит. – Вместе они поработили планету. И человека... Только угро-

бив пятьдесят шесть миллионов человек, два государства-каннибала поняли, что принципиально их ничто не разделяет, что они подобны друг другу» [11]. Лукьянову приходит в голову, что эти два государства могут создать мировое правительство, но тут же он думает, что это была бы лишь формальность, которая узаконила бы давно существующее единство властей. Различие можно увидеть только в методах действий: «Методы у них разные, – подумал Ипполит, – русские до сих пор традиционно сажают «плохомыслящих» литераторов в тюрьмы, то есть работают открыто. В Соединенных Штатах, до сих пор преисполненных павлиньей гордости за свою 250-летнюю демократию, тебя подавляют по-иному» [11] (самому Лукьянову перекрыли доступ в печать, уничтожили его архив).

2. Важной чертой социального облика государства в произведениях и А. Зиновьева, и Э. Лимонова становится **доносительство**, которое помогает государственным органам осуществлять контроль над людьми. В романе «316, пункт “В”» Лукьянова, попавшего под действие бесчеловечного закона, любой может выдать служащим Демографического Департамента, и лишь в обществе гангстеров – антисоциальных элементов – он может чувствовать себя в относительной безопасности. В какой-то момент герою приходит в голову бежать в Русский Союз, где по закону можно жить дольше, чем в США, но и эта мысль бесперспективна: «Они обмениваются информацией, и любой компьютер через десяток минут выяснил бы, что американский друг Ипполит Лукьянов, увы, находится в черном списке и ему шестьдесят пять лет, а по их кодексу товарищества они стараются друг друга не раздражать. И на кой черт в любом случае им нужен неблагонадежный старик?» [11].

3) **Рационалистичность** и механистичность общественного устройства отмечены обоими писателями как сущностные черты и социалистического, и либерального западного социума. А. Зиновьев показывает, что как в Ибанске, так и в Западном Союзе тоталитарная власть, чтобы контролировать человека, рассчитывает его жизнь до мелочей, превращает человека в функцию, стремясь исключить неконтролируемые проявления чувств, свободных мыслей. Точно так же поступают и власти США в произведении Э. Лимонова. Лозунг Дженкинса «Мир должен быть управляем» подразумевает под собой недопущение каких-либо неконтролируемых эмоций и идей. В произведениях обоих писателей правительство государства – и социалистического, и «демократического» – выстраивает всю систему власти на основе

априорного убеждения в том, что оно знает, каковы истинные потребности людей, и имеет право вести их к этому благу твёрдой рукой и заранее рассчитанным путём, отменяя любые сомнения. Поддержание тоталитарной власти требует максимально рационалистического подхода к делу.

4) **Манипуляция сознанием** – ещё одна сущностная черта социального облика государства в изображении А. Зиновьева и Э. Лимонова. О ней кратко упоминалось выше, теперь же рассмотрим её более подробно.

В Ибанске и Запад-Сити, изображённых А. Зиновьевым, обыватели, жизнь которых находится под максимально жёстким контролем власти, тем не менее в большинстве своём уверены в собственной свободе, поскольку их сознанием умело манипулируют. Механизм прост: одна информация всячески внушается человеку, другая же замалчивается.

Практически то же самое происходит в мире антиутопии Э. Лимонова. Когда происходит страшная катастрофа на улице, главный герой предвидит реакцию властей на это: он уверен, что в новостях ничего не будет сказано о трагедии, потому что это могло бы дестабилизировать обстановку. Это противоречило бы главному тезису американских властей: «Мир должен быть управляем». Закон «316, пункт “В”», вокруг которого вращается всё действие романа, реализуется так, что люди как бы не замечают его антигуманной сути. Даже «изымание» пожилых людей из общества проходит обычно как можно более незаметно: «По TV и в газетах об уничтожениях не сообщают, и, хотя закон существует, его нелегко увидеть на бумаге. Демографический департамент не очень любит афишировать свои действия» [11].

Одно из самых ярких проявлений манипуляции сознанием общества – это ситуация с выборами. Выборный характер власти – признанное завоевание демократии. Когда она превращается в тоталитаризм, выборы больше не нужны, они становятся опасными. Дженкинс, чувствуя, что назревает неконтролируемая ситуация, собирается провести голосованием закон об отмене выборов, причём обработать сознание людей так, чтобы они сами сочли этот шаг необходимым. Это гораздо более эффективно, чем просто запретить выборы. Нужно внушить людям, что они по «собственной воле» делают то, в чём заинтересована власть. Вспомним, как А. Зиновьев писал, что, даже ощутив границы, установленные властью, человек с «зомбированным» сознанием примет их за своё свободное волеизъявление.

В романе Э. Лимонова герой, рассуждая о внутреннем единстве позиций «демократического» и социалистического правительств, вспоминает, что началось их сотрудничество с того, что в Нью-Йорке был полностью «денационализирован», т.е. выселен, район Гарлем, и в этом помогали американским властям «русские полицейские специалисты. Первое американо-русское совместное сотрудничество после войны... Помню, русские употребляли термин «декомпрессировать». Так и писали в газетах: «Интересы закона и порядка требуют «декомпрессии Гарлема»...» [11]. Перед нами классическая манипуляция сознанием: пропаганда направлена на то, чтобы насильственные действия воспринимались как общественная необходимость и не вызывали протеста. В таком подходе к проблеме полностью едины «демократические» и социалистические власти, как показывает Э. Лимонов.

Современный политолог и публицист С. Кара-Мурза объясняет суть манипуляции сознанием следующим образом: «В казармах Красной Армии висел плакат: «Не можешь – поможем. Не умеешь – научим. Не хочешь – заставим». Смысл же манипуляции иной: мы не будем тебя заставлять, мы влезем к тебе в душу, в подсознание и сделаем так, что ты захочешь» [12, с. 43]. И А. Зиновьев, и Э. Лимонов в своих произведениях раскрыли этот принцип в художественной форме.

5) Утилитаризм – этическая система, допускающая **любые средства достижения благой для большинства цели**, – характерна и для «демократического», и для социалистического порядков. В произведениях А. Зиновьева власть не случайно уничтожает «неугодных»: это представляется необходимым с точки зрения рационалистической логики для сохранения стабильности в государстве. В романе Э Лимонова данный принцип проявляется в решении проблемы перенаселения планеты, – вопроса, беспокоящего правительства обоих государств. Их демографическая политика одинакова – сокращение численности населения. И закон о насильственном устранении всех, кто старше определённого возраста, а также об ограничении рождаемости действует как в США, так и в Русском Союзе: чтобы люди не голодали, приходится кем-то жертвовать. Об этом в романе рассуждает фактический правитель США Дженкинс, причём формулирует вывод словами своего коллеги из Русского Союза – Петрова: «Подполье не может выдержать большее количество крыс, чем то, на которое подполье рассчитано, как любит повторять несколько циничный коллега

Петров» [11]. Не случайно и то, что в своей штаб-квартире Дженкинс повесил фотографию Ленина, считая его политическим деятелем, наиболее достойным уважения.

С утилитарной этической доктриной связан в романе Э. Лимонова образ доктора Розена. Он проводит опыты по созданию нового вида человека – «человека неразмножающегося», чтобы в будущем можно было контролировать численность населения, а привилегию продолжения рода дать лишь правящей элите. Доктор объясняет свои действия гуманной целью – необходимостью спасения человечества от голодной смерти: «Вы что, хотите для человека судьбы полчищ саранчи, которая, выжрав все зеленые поля, подыхает без пищи в пустыне?» [11]. Именно такая мотивация объясняет то, что Розен не видит противоречия между христианством и своими убеждениями, даже называет своё «христианство» творческим и разумным, в отличие от «догматического», проповедующего любовь к ближнему. В Русском Союзе пока ещё нет подобных проектов, и Петров просит Дженкинса посодействовать в получении результатов исследований Розена. Как видим, и в этом отношении принципы двух государств сходны.

Утилитарная доктрина просматривается и в желании властей США казнить гангстеров за теракт, которого они не совершали, – мотивируется это стремлением сохранить психическое здоровье нации: показать, что преступники найдены и наказаны. Когда же о теракте узнаёт президент Русского Союза, он, размышляя над ситуацией, говорит: «Мертвого они похоронят, ясно, справятся, найдут первых попавшихся виновных...» [11]. Он просчитывает эти ходы легко, потому что именно таких ходов требуют интересы тоталитарного государства, и он сам, вероятно, тоже так и поступил бы.

6) У Зиновьева в «Зияющих высотах» есть **личность, которая противостоит тоталитарной системе** (это прежде всего Крикун и – в определённой степени – ещё несколько персонажей: Клеветник, Двурешник, Правдец). В «Глобальном человечнике» герои внутренне не удовлетворены существующей организацией общества и его жизнью, но открытого и последовательного противостояния системе нет. Они вписываются в эту систему, несмотря на душевный дискомфорт.

У Лимонова «советское общество» в целом практически не показано, есть лишь образы руководителей государства. А в «демократическом обществе», в принципе, ситуация аналогична показанной в «Глобальном человечнике»: *герой внутренне сопротивляется тоталитарным принципам, но в конечном итоге вписыва-*

ется в систему. Начинается всё с того, что он даже пытается бунтовать против бесчеловечного закона. Правда, в этом смысле есть принципиальная разница между концепциями Зиновьева и Лимонова. Зиновьевские герои находятся в скрытом конфликте с системой по причине принципиального несогласия с законами её существования, хотя каждый из них лично вроде бы благополучно «устроился» в этом мире. У Лимонова ситуация иная: его персонаж Лукьянов противостоит режиму именно потому, что закон «316, пункт “В”» угрожает ему лично, его жизни – ни больше ни меньше. Герой борется за право жить, добивается этой цели любой ценой. Когда же цель достигнута, он становится составной частью бесчеловечной государственной машины и готов осуществлять и даже ужесточать закон, которому прежде хотел противостоять. Правда, и здесь не обходится без внутреннего конфликта: Лукьянову трудно пережить необходимость насилия над людьми, тем более что это в том числе и лично знакомые ему люди, которые помогли ему выжить. Но всё же он смиряется с происходящим, свободу ему заменяет «осознанная необходимость», и он становится «рычагом», причём главным «рычагом» государственного механизма.

Таким образом, в произведениях обоих авторов прослеживается отчётливо и последовательно воплощённая **мысль о родственности двух систем, противоположных на первый взгляд**: социалистической и либерально-демократической: «Годы рассеяли и разрушили идеологии, только основные лозунги выжили и украшают теперь фасады государств. Шаблонные определения «демократия» и «коммунистическое общество» остались, но главными оказались система, структура, государство» [11]. При этом важен тот факт, что выражают эту мысль писатели, «изнутри» знающие и ту, и другую систему: и Зиновьев, и Лимонов начали свой путь, сформировались как личности в СССР, потом довольно долгое время провели за границей (в Западной Германии, в США), однако впоследствии вернулись в нашу страну. Можно не сомневаться, что обоим хорошо знакомы закономерности существования двух типов социума:

откровенно тоталитарного и скрыто тоталитарного – и обоим удалось в художественной форме убедительно показать их духовное родство.

Примечания

1. Название одной из статей И.Р. Шафаревича [1].
2. См. подробнее: Сухих О.С. «По новому штату» [2], Сухих О.С. Великие инквизиторы в русской литературе XX века [3].
3. «Гибридное» название, объединяющее понятия «Россия» и «Советский Союз», возможно, объясняется тем, что к моменту создания романа наша страна уже называлась Россией, но прошло ещё слишком мало времени для того, чтобы она перестала восприниматься как Советский Союз.

Список литературы

1. Шафаревич И. Две дороги – к одному обрыву // Шафаревич И. Две дороги – к одному обрыву. М., 2003. С. 234–274.
2. Сухих О.С. «По новому штату». Два лика государства в осмыслении А. Зиновьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 98–105.
3. Сухих О.С. Великие инквизиторы в русской литературе XX века. Нижний Новгород: Медиаграф, 2012. 208 с.
4. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. В 2 кн. М.: ПИК, 1990.
5. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 2000.
6. Греков Л. «Глобальный человек» как «зияющие высоты» западизма // А.А. Зиновьев. Глобальный человек. М., 2000. С. 3–6.
7. Баталов Э.Я. В мире утопии. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
8. Гальцева Р., Роднянская И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. 1988. № 4. С. 125–134.
9. Юрьева Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 320 с.
10. Ланин Б.А., Боришанская М.М. Русская антиутопия XX в. М.: Онега, 1994. 248 с.
11. Лимонов Э. 316, пункт “В”. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/114045/read> (дата обращения – 3.08.2012).
12. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-пресс, 2001. 832 с.

«TWO ROADS TO THE SAME PRECIPICE» IN A. ZINOVEV'S AND E. LIMONOV'S CREATIVE INTERPRETATION

O.S. Sukhikh

The author analyses the portrayal of the two social systems, the socialist and the Western one, in A. Zinovev's and E. Limonov's works. The author highlights the conceptual similarities outlined by both writers. The aim of this research is to give a comparison of the writers' concepts based on the comparative-typological method. Their works are built on different artistic principles, but this does not rule out the common approach to the understanding of social and philosophical problems. Both authors come to the conclusion that the common goals of the socialist and capitalist countries and the similarity of ways to achieve the goals reveal the deep relationship between the two political systems. The Western liberal-democratic socio-political model and the Soviet socialist model have certain conceptual similarities. They include total state control of human life, the cultivation of whistleblowing, manipulation of society's consciousness, the illusory nature of individual freedom, the fundamental role of «the end justifies the means» principle.

Keywords: socialism, liberal democracy, anti-utopia, state, personality.

References

1. Shafarevich I. Dve dorogi – k odnomu obryvu // Shafarevich I. Dve dorogi – k odnomu obryvu. M., 2003. S. 234–274.
2. Suhih O.S. «Po novomu shtatu». Dva lika gosudarstva v osmyslenii A. Zinov'eva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2009. № 6 (2). S. 98–105.
3. Suhih O.S. Velikie inkvizitory v russoj literature XX veka. Nizhnij Novgorod: Mediagrafik, 2012. 208 s.
4. Zinov'ev A.A. Ziyayushchie vysoty. V 2 kn. M.: PIK, 1990.
5. Zinov'ev A.A. Global'nyj chelovejnik. M.: Centropoligraf, 2000.
6. Grekov L. «Global'nyj chelovejnik» kak «ziyayushchie vysoty» zapadnizma» // A.A. Zinov'ev. Global'nyj chelovejnik. M., 2000. S. 3–6.
7. Batalov Eh.Ya. V mire utopii. M.: Politizdat, 1989. 319 s.
8. Gal'ceva R., Rodnyanskaya I. Pomekha – chelovek. Opyt veka v zerkale antiutopij // Novyj mir. 1988. № 4. S. 125–134.
9. Yur'eva L.M. Russkaya antiutopiya v kontekste mirovoj literatury. M.: IMLI RAN, 2005. 320 s.
10. Lanin B.A., Borishanskaya M.M. Russkaya antiutopiya XX v. M.: Onega, 1994. 248 s.
11. Limonov Eh. 316, punkt “V”. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://lib.rus.ec/b/114045/read> (data obrashcheniya – 3.08.2012).
12. Kara-Murza S. Manipulyaciya soznaniem. M.: Ehksmo-press, 2001. 832 s.